МОРАЛИЗМ ЕВРОПЕЙСКОГО МОДЕРНА

УДК 17.022

А. В. ПАВЛОВ

«Акустические Морали Овердрафта».
(Группа «Полумягкие». – Россия, 2010)

1

Предпочтительной видится трактовка модерна и постмодерна, которой придерживается У. Эко [6]. И то, и другое — «духовное состояние», «подход к работе».

Скрытый в модерне потенциал развертывается, доходит до предела самоочевидной ясности и покрывает эпоху искусственной скорлупой, не содержащей уже никакой духовности. Игра как жизнь, чьи правила полностью определяются ее субъектами, искусственность, возникающая на всех границах Модерна, — на временных и пространственных границах, и особенно в его предельных проявлениях, протест против искусственного, почти роботизированного характера жизни, — представляет собою то, что сегодня принято называть постмодерном. Более того, постмодерн оказывается не просто историческим периодом, это одна из характеристик любой эпохи на всех ее этапах. Это эпоха в тех точках повседневности, где на первое место в системе ценностей выходит личная жизнь и ближайшее окружение.

Постмодернистское состояние в таком случае видится не тем, что «после модерна», но и не модернистским проектом, как о нем пишет Грей [2, с. 284]. Оно скорее вырождение модерна, разрушение его проекта, зарождающееся в нем самом, однако принадлежащее его эпохе, и уже как таковое, оно — духовное состояние человека.

Однако названия «модерн» и «постмодерн» принято применять, в первую очередь, к европейской истории, к тем столетиям, какие отличаются целенаправленной динамичностью, и где цель общественного развития определяется выбором между гуманизмом и национализмом. Поэтому хотя признаки постмодерна легко наблюдать в любой культуре, в этом очерке я ограничусь только европейскими.

Методологической позицией очерка является представление о том, что общество не супериндивидный организм, а продукт межчеловеческих отношений. Эта позиция делает возможным перенос акцента с социальной субъективности на экзистенциальную, а значит, она позволяет личностную подстановку и рефлексию моральных отношений с позиции человеческой индивидуальности. Такая подстановка раскрывает эпоху модерна изнутри нее самой, содержательно гуманистически, а не формально-теоретически, не метанарративно.

Проблематика очерка связана прежде всего с положением нынешней российской культуры в общеевропейском контексте. Принято определять состояние западных культур как постмодернистское. В целом это верно, однако Россия и страны Запада в своем развитии уже много столетий не совпадают по фазам. У нас, думается, постмодерн доминировал в застойные десятилетия СССР, в его торжественных метанарративах, теневых процессах, скрытых массовых протестах и нелегитимности. С распадом же СССР Россия перешла из постмодерна в состояние межцивилизационного перехода, осложненного неясностью перспектив.

2

Межцивилизационное состояние — это не «постмодерн», а то, что уже после него. В нем общественная жизнь практически прекращается и заменяется коловращением толп и маленьких социальных групп, когда ее проще всего описывать средствами фигуративной социологии Н. Элиаса, аномии Э. Дюркгейма, номадологией и ризомой Ж. Делеза и Ф. Гваттари, дисконтинуитетом М. Фуко и т. д. Его демократичность напоминает смесь охлократии с диктатурой. А в перспективе маячит геополитическая перекройка европейского и общечеловеческого пространства, конструирование искусственных и изначально нелегитимных норм, глобальный гражданский хаос и появление новых центров самоорганизации этого хаоса, конфликтов между ними и возвращение на круги своя. Межцивилизационное состояние неизбежно, однако его последствия можно смягчить, сохранив идею модерна, превратив ее в утопию и цель общественной жизни. Революционное же содержание этого состояния может быть превращено в своего рода перманентную революцию, не ведущую к разрушению базовых ценностей: индивидуализма и гуманизма, прагматизма, рационализма, либерализма и т. д., и, конечно же, его специфического морализма.

Эволюция культуры в межцивилизационную эпоху идет возвратно-поступательным путем: сначала полный демонтаж предшествующей цивилизации, а затем конструирование из обломков нового цивилизационного облика, формирование его на интеллектуальной основе, на базе разума, воли и морали постмодерна. Она движется в направлении поиска в постмодернистском формализме духовной глубины, создания смыслового фундамента новой, будущей эпохи. И до тех пор, пока этот цикл демонтажа-конструирования не пройдет по всему пространству нашего культурного мира, мы не сможем считать межцивилизационную эпоху благополучно завершенной.

Механизм межцивилизационного перехода держится на смене поколений. Первое поколение — «отцы», из них половина вкалывает, другая половина «делает состояния». Второе поколение — «дети», «золотая молодежь» или, как сейчас называют, «мажоры» устраивают экзистенциальные революции, иногда и политические, сегодня они называются «цветными», и полностью ликвидируют ценности прошлой цивилизации. Оно осуществляет выбор направления дальнейшей эволюции: индивидуализм или национализм с его квазигуманистическим покровительством власти тому, что она считает «человеческими интересами». К третьему поколению («внуки») окончательно складывается миф о «золотом веке прошлого». У нас это СССР, у французов — la belle France, у англичан — викторианская Англия, у американцев — Великая американская мечта и т. д. Миф трансформируется в утопию, утопия идеализируется и превращается в цель развития. И с «внуков» начинается выход из межцивилизационного разрыва, ведущий нас сегодня или в сторону модернистских идеалов, или в направлении националистического тоталитаризма досоветского и советского самодержавия.

Утопия, сложившаяся на базе мифологизированного прошлого, не обязательно ведет к реставрации. Более того, реставрация невозможна в силу изменившегося содержания культуры, накопленного опыта, созданных новых ценностей, коммуникаций и институтов и т. д. Но завершается межцивилизационная эпоха формированием новой цивилизации на основе выбора «детей», осуществленным «внуками», на которую это поколение переносит кое-какие имена и названия из прошлого, как на Императорскую Россию переносилось название «Третий Рим» и «Византия», содержательно ни в малейшей мере на Россию не похожие, а на сегодняшнюю Англию переносится название «конституционная монархия».

Первые два поколения вычисляются демографически: 25–30 лет на каждое. А с третьего выход только начинается, и сколько времени он потребует, зависит от множества дополнительных факторов. Если считать, что в эту эпоху мы вошли с началом Перестройки в 1985 г., то в 2030–50 гг. только наметится выход из нее, а сколько он продлится, сколько поколений потребуется «внукам» на то, чтобы благополучно ее завершить, сегодня это вопрос не научный из-за чрезмерно большого числа факторов будущего, которые просто невозможно учесть. Конечно, это очень схематично; на самом деле, поколения рождаются непрерывно и сосуществуют, с одного на другое переносится «акцент», смысловой центр, своего рода запятая в легендарном решении «казнить нельзя помиловать». В социальной практике такой перенос тоже представляет собою особый тип динамики со своими характеристиками.

Однако, так или иначе, а в нашей стране наконец вступило во взрослую жизнь второе постсоветское поколение. С его активизацией в 2010–2011 гг. началась экзистенциальная революция — глубокая делегитимация старых ценностей СССР и превращение их в искусственные правила. Это не та борьба, которая была в 1990-е, где демократы и коммунисты советских времен перетягивали друг на друга одеяло. Это борьба между молодыми, не знающими СССР людьми, для которых сегодняшняя обстановка в стране — их время, а борьба — просто такая разновидность игры и праздника, как для «правых», так и для «левых».

Началось упрощение и трансформация мировоззрения, которое каждого заставит определиться со своими жизненными планами и установками независимо от сегодняшних «неправильных правил» общественной жизни, и в любом случае окончательно ликвидирует либо кардинально переосмыслит и унаследованные ценности, и сами правила нынешнего дня. От того, насколько такой экзистенциальный переворот будет эффективен и чем завершится, теперь зависит дальнейшая судьба России, вплоть до сохранения ею единства, государственности, независимости и статуса, при всех перекосах, но все-таки европейской страны.

3

Экзистенциальная трансформация вывела на первое место переоценку всей системы ценностей европейского модернизма в его советской интерпретации, где главным был не индивидуалистический, как в Западной Европе, Англии или США прошлого века, не частный и автономный, а коллективистский

субъективизм. В СССР он выражался в стремлении поставить каждого члена трудового коллектива в полную экономическую и моральную зависимость от производственной эффективности всех сотрудников и от функциональной траектории бригады, отдела или кафедры в структуре организации. Таковы были реальность СССР и несбыточная мечта крупных западных корпораций.

Советский трудовой коллектив выступал как целое, а его целостность обеспечивалась моральной и политической однотипностью работников. Целостность советского коллектива совсем не то же самое, что формальная связность индивидов, например, в рабочей бригаде классического буржуазного общества. Она больше соответствует духовному единству рода, клана или крепостной общины. Она сходна с семьей, в то время как уже во второй половине XX в. семейный характер буржуазного коллектива, за исключением уличных банд, может его членам присниться только в дурном сне, несмотря ни на какие корпоративы и психологические тренинги. В классическом буржуазном коллективе Запада исторически на первом месте стоял индивид, ясно отличающий работу от семьи.

При советской власти люди живут в коллективе, в то время как в западном обществе они работают на корпорацию, отчетливо это осознавая, будь то крупный университет или маленькая фирма по торговле фармсредствами. У советского человека связь с сотрудниками духовно содержательная, причем со всеми вместе, у западного — преимущественно формальная, и не со всеми, а только с некоторыми. Отсюда в СССР приоритетным считалась долговременная работа в одном коллективе, на нынешнем же Западе ценится мобильность и регулярный переход из одной корпорации в другую, дающие новый опыт и увеличивающие креативный потенциал работника, но при этом лишающий коллектив качества «трудовой семьи».

В общественной жизни все неоднозначно. Западное общество легко трансформируется в тоталитаризм, советское — в самодержавие, а различия между этими формами общественного устройства просматривается только в их названии. Тоталитарное сращивание социума и власти при полной и всепроникающей подконтрольности общества мало чем отличается от самодержавного единения государя с народом при полном самовластии государя и подконтрольности народа. В обоих случаях ключевой характеристикой становится панoптизм, а он, как неоднократно было показано многими, от И. Бентама до М. Фуко в известной его работе «Надзирать и наказывать», органичен именно для западного общества. И, следовательно, наше, российское, не слишком-то от него отличается. Единственное, что позволяет избежать западного тоталитаризма и русского самодержавия — это добрая воля и гуманистическая нравственность граждан.

И еще можно предполагать, что частная собственность и государственно-монополистическая, ошибочно принимавшаяся в Советском Союзе за общественную и общенародную, рыночная конкуренция и государственное планирование, демократия и тоталитаризм хотя и противоположны друг другу, но их противоположность такого же рода, как между расцветом модерна и его поздним, завершающим постмодернистским этапом.

Эволюция модернистского общества осуществляется между демократией и тоталитаризмом, в частности, между классическим капитализмом и реальным социализмом. У этих двух систем попросту разные задачи. Капитализм с его частной собственностью, конкуренцией и индивидуалистической демократией обеспечивает быстрое и пропорциональное развитие производительных сил и накопление материального богатства. Социализм же, если он не искусственно внедренная в жизнь теория, а естественно сложившаяся практика социального государства, осуществляет перераспределение накопленного богатства между всеми гражданами и создает условия для интеллектуального развития.

Капитализм трансформируется в социализм тогда, когда в частной инициативе вместе с автономией частного субъекта пропадает смысл. Материальных ценностей достаточно для всех; общественные структуры, в том числе, и ответственные за их перераспределение развернуты, связь между властью и обществом двусторонняя и паритетная, граждане в целом удовлетворены жизнью. Социализм трансформируется в капитализм тогда, когда проедаются капиталистические накопления, когда материального воспроизводства, даже расширенного, уже не хватает, когда начинается дефицит и экономико-политическая конкуренция, а за ними меняется тип социального расслоения. В социалистическом обществе зарождается буржуазное, поначалу в виде «теневого социума» с его теневой экономикой, политикой и моралью, образуются квазиклассы, происходит буржуазная революция, и общество модерна возвращается к своим истокам.

Конечно, это упрощенная картина, действительная жизнь огромного общества куда как сложна. Но с того момента, когда оно созре-

вает и переходит на стадию модерна, где-то в его генетике уже угадывается периодическое чередование демократического и тоталитарного строя, индивидуализма и социализма.

Думается, традиционное разделение политических сил на правые и левые неадекватно реальности общественной жизни. Значительно существенней их деление на народ и государство, на индивидуалистическую и социалистическую политику, на доминирующую частную, государственную и общественную собственность. А механизм их соотношения скрывается не столько в экономическом, сколько в моральном качестве собственности.

Между частной и государственной собственностями принципиального морального различия нет, и та, и другая принадлежит части общества, а не всем. Предельно развитая в СССР государственная собственность попросту сформировала политическую и хозяйственную бюрократию как господствующий класс, противостоящий остальному народу и обладающий приоритетом в «равной» доступности услуг и распределении благ. Это — разновидность частной собственности. Общественная же собственность — то, что принадлежит не группе лиц, а каждому гражданину, — отличается от частной морально, а не политико-экономически.

Общественная собственность представляла собою главную загадку СССР, которую никак не удавалось решить средствами политико-экономических теорий. Каким образом заявленная в конституции Советского Союза государственная собственность могла быть общественной и общенародной, если, согласно самому же советскому марксизму, государство представляет собою институт, отчужденный от общества, противостоящий ему и обслуживающий интересы не всех, а только господствующих классов [5, 7]?

Социалистический строй опирается на загадочную общественную собственность, но эта задача, не решаемая политико-экономически, вполне решается в сфере этики. Такая собственность реальна лишь в качестве целенаправленного морального отношения. Если ясно различать мораль и право, то для гражданина безразлично, кому юридически принадлежит собственность, если он фактически может ею пользоваться. Поэтому очень важно, на удовлетворение чьих интересов она нацелена. Будь она юридически «моя», будь она государственная, но если она предназначена исключительно для удовлетворения интересов части общества, то она — частная. Если же она, независимо от своей юридической принадлежности, нацелена владельцем на удовлетворение интересов любого гражданина, она — общественная. Юридически любая собственность в этическом плане оказывается по существу общественной, если используется владельцем для других людей, но она же станет частной, когда применяется исключительно в личных интересах собственника.

В таком же случае общественная собственность является реальностью как разновидность моральных отношений между собственниками, обусловливающая стратегические установки их распоряжения собственностью: для себя или для других. Она создает социализм как систему взаимопомощи в недрах капитализма и выходит на поверхность в социальных государствах, которые из-за этого можно с известной натяжкой считать социалистическими. Но стоит общественной собственности стать тотальной, как она сразу демонстрирует свой утопический характер, оказывается государственно-монополистической и превращает социализм в тоталитарный государственно-монополистический капитализм.

В реальных отношениях собственности колебания между частной и общественной характеристиками представляет собою моральное движение, ответственное за легитимацию-делегитимацию правовой и политико-экономической системы. Благодаря ему в общественной жизни всегда сосуществуют индивидуалистическая и социалистическая морали, а капитализм с социализмом периодически сменяют друг друга, по мере выполнения каждым из них своей основной задачи.

Наша экзистенциальная трансформация уже несколько лет заставляет пересматривать всю советскую интерпретацию общеевропейских ценностей: коллективистский прагматизм в великодержавных целях, рационализм одинаковых норм мышления, либерализм государственного патронажа любых субъектов и т. н. «социальной защиты», волюнтаризм руководителей государства и коллективов, креационизм и особенно моралистический.

Проще говоря, сегодня приоритетными стали мораль и творческий подход в любой деятельности, они, а не высокие технологии, не наноиндустрия и т. п., — единственный способ решения проблемы модернизации, лозунга, за двадцать постсоветских лет успевшего надоесть. Они да такие формы политической и хозяйственной организации, какие позволяют им существовать. Моральный и креативный характер прагматизма, либерализма, волюнтаризма и рационализма либо станет преобладающим содержанием нашей субъективности, либо мы всегда будем под

чутким руководством партии и правительства восстанавливать разрушенное перестройкой и реформами народное хозяйство 30-х гг. прошлого века.

Таким образом, морализм пронизывает все структуры общественной жизни на всех стадиях культурно-исторического развития. Он лишь принимает разные обличия в диапазоне от межчеловеческого взаимного доверия, взаимопонимания, искренности и взаимопомощи открытых друг другу людей до постмодернистского цинизма, делегитимирующего взаимопомошь и провоцирующего эгоистический утилитаризм не людей, но практически абстрактных индивидов, а затем опять от утилитаризма до взаимопомощи.

Но что представляет собою морализм модерна?

4

Если отвлечься от религиозных и идеологических мистификаций, морализм указывает на гражданскую и нравственную позицию личности. Сошлюсь прежде всего на советские источники. Посредством понятия морали в человеческом опыте «вычленяются обычаи, законы, поступки, характеры, выражающие высшие ценности и долженствование, через которые человек проявляет себя как разумное, самосознательное и свободное создание (существо)» [1, с. 275]. Как полагает О. Г. Дробницкий в своей статье в «Большой советской энциклопедии», это «один из основных способов нормативной регуляции действий человека в обществе» [4, с. 559].

Эти классические для советской этики формулировки выражают модернистский дух культуры той поры и ее философии. Думаю, по-своему прав и А. А. Гусейнов, утверждающий в учебнике следующее: «Можно было бы с целью выделения предметной области этики сослаться на присущий каждому человеку опыт внутренних переживаний, выражаемый в понятии совести, или на оценочное отношение к миру, фиксируемое в понятиях добра и зла. Однако достаточно подойти к вопросу с критериями самой элементарной строгости, чтобы обнаружить: мы не можем сказать, что скрыто за этими терминами, не можем каким-либо иным способом (помимо самих этих терминов) зафиксировать обозначаемую ими реальность. Они на самом деле оказываются неизвестными величинами» [3]. Замечу только, что неспособность классических критериев элементарной строгости справиться с этической предметностью не означает, что нельзя разработать другие критерии, составляющие архитектонику неклассической теории.

Мораль – это внеполитическая и внеправовая форма регулирования отношений людей в обществе, установления и воспроизводства общественного порядка и разрушения его устаревших форм. Западные исследования морали с XVIII века показали противоречивую тенденцию к автономизации субъекта. Однако субъект – это и человеческий индивид, находящий свою природу в личной свободе, и общество, в эту эпоху оформляющее себя как нацию, подчиняющую индивида и находящую собственную природу в стремлении к полной независимости как от него, так и от других наций.

Конфликт между человеком и нацией проявится только в XX веке. Но уже с самого начала европейского модерна он рефлексируется философией, расставляющей черные и белые фигуры на шахматной доске предстоящих буржуазных революций. С одной стороны, Т. Гоббс с индивидуалистическим принципом войны каждого против каждого, положенным им в основу формирования социума-Левиафана, а с другой стороны, Б. Мандевиль, при всей своей иронии, исходящий в «Басне о пчелах» из непреложной роевой социальности улья, направляющего каждую пчелу.

Придерживаясь взглядов, характерных для классицистской философии, вплоть до наших дней ставящих на первое место в иерархии субъектов общество как целостный организм, а индивидов рассматривающих в виде его «членов», единого и корректного определения морали дать нельзя, этот термин нельзя даже употребить в единственном числе без того, чтобы не впасть в этический формализм. Есть разные морали, и они различаются параллельно с различием общественных культур.

(Продолжение следует)

1. Апресян Р. Г. Мораль // Этика. Энциклопедический словарь. – М. : Гардарики, 2001.
2. Грей Д. Поминки по Просвещению. – М. : Праксис, 2003.
3. Гусейнов А. А. Этика. URL: http://vpn.int.ru/.
4. Дробницкий О. Г. Мораль // БСЭ. №. 1974. Т. 16.
5. Ленин В. И. Государство и революция. // Полн. собран. соч. Т. 18. – М. : Изд-во полит. литер., 1968.
6. Эко У. Заметки на полях «Имени розы»: Симпозиум, 2005.
7. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения в 3-х т. Т. 3. – М. : Политиздат, 1986.